

Я ПРОЧИТАЛА ЭТУ КНИГУ ВЗАХЛЕБ, ОТВЛЕКАЯСЬ ЛИШЬ НА ЧАШКУ КОФЕ. А НАЗВАНИЕ ДЛЯ РЯДОВОГО ЧИТАТЕЛЯ, В ОБЩЕМ-ТО, СКУЧНОВАТОЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ - «ИСТОРИЯ ЛЕКСИКИ ВОЛОГОДСКОЙ ЗЕМЛИ» (БЕЛОЗЕРЬЕ И ЗАВОЛОЧЬЕ). ВПРОЧЕМ, СКУЧНОВАТО ЛИШЬ НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД. В МОНОГРАФИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА **ЮЛИИ ИВАНОВНЫ ЧАЙКИНОЙ**, НЕМАЛО ИНТЕРЕСНОГО. И ВСЕ ЭТО - ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА РУССКОГО СЕВЕРА. ЮЛИЯ ИВАНОВНА - ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР КАФЕДРЫ РУССКОГО ЯЗЫКА ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.

Вера МАЛЕНЬКАЯ

СМОТРИЮ на милое, знакомое лицо на фотографии, и такое ощущение, что оно светится, что есть в нем никому не ведомая тайна - отражение каких-то особых душевных сил. Не лицо - лик...

Когда-то (еще будучи студенткой Череповецкого пединститута) я любила приходить к Юлии Ивановне. И уже у порога представляла: откроется дверь, и в прихожей всплеснут руками, как родные, две женщины, захлопочут - Юлия Ивановна и ее мать Мария Михайловна (светлая ей память). Обо всем расспросят, напоят чаем. Одна уже кандидат наук, вторая - простая, почти неграмотная, но мудрая крестьянка.

Я не увлекалась историей русского языка, нас связывало другое. Юлия Ивановна была первым человеком, который сказал: «Вера, вам нужно заниматься журналистикой». Именно она дала рекомендации в череповецкую городскую газету. И бывало так, что приходили к ней другие студенты, увлеченные ее идеями. Она занималась с ними, а мы с Марией Михайловной обсуждали на кухне дела житейские. И звучало порой такое грустное: «Совсем девка себя не жалеет». Так и запомнилась Мария Михайловна: руки на коленях сложены, глаза чуть грустные, но живые и ясные, добрые. Не лицо - тоже лик.

Именно Мария Михайловна сыграла в жизни дочери огромную роль. Поддерживала ее во всем. Кроме того, она хорошо знала северный говор деревни, сельскохозяйственную лексику,

Иван Иванович, обеспокоенный участью семьи, снова сменил место жительства. Юлия Ивановна хорошо помнит ту ночь, когда, наспех погрузив на телегу самые необходимые вещи, тайком от соседей они покинули родной дом. И после долгих скитаний нашли приют в г. Опочке Псковской области, где Юля пошла в школу.

Во время войны Чайкиных эвакуировали в Калининскую область, а девочку отправили к родственникам в дальнюю череповецкую деревню. Здесь она окончила среднюю школу и получила диплом с отличием, поступила в Череповецкий педагогический институт. Позднее возвратится в Калинин, станет аспиранткой Калининского педагогического института, соприкоснется со школой русской филологии и почувствует непреодолимый интерес к науке. А наставником ее станет известный лингвист, ученый С.А. Копорский.

НАМ, студентам, преподаватель русского языка Юлия Ивановна казалась вполне благополучной светской дамой, сдержанной и требовательной. Она всех называла на «вы», а ее строгое, неподражаемое: «Товарищ Иванова (Петрова, Сидорова...)» означало некую дистанцию.

Мы знали, что она защитила кандидатскую, готовит материалы на докторскую диссертацию, что 17 лет преподавала в Таганрогском пединституте. Но и представить не могли, что Юлия Ивановна с котомкой за плечами в студенческие годы исходила всю

Калининскую область, собирая материалы для кандидатской. Полугодные члены экспедиции не боялись лесных дорог, когда шагали от деревни к деревне. (Еще шла война, но эта область уже была освобождена от немцев). Не вздрагивали, когда видели табличку с надписью: «Осторожно! Мины». Обходили и лихо подбадривали друг друга. Чайкина предпочитала

души и чувствовала, что получает ответную реакцию. Для докторской диссертации Юлия Ивановна собирала материалы истоиво, за один год написала ее и защитила в Ленинградском университете.

...Мы многих преподавателей забыли, но, общаясь при редких встречах или по телефону, всегда вспоминаем Юлию Ивановну.

Лик

Юлия Чайкина (слева) в юности.

останавливаться у одиноких старух, завязывала с ними дружбу. И уже после экспедиции иногда собирала для них посылки.

Нам и в голову не приходило, что она часами сидит в архивах Череповецкого музея, а летом, собрав рюкзак, идет по деревням Вологодской области за материалами, которые были знаковыми в ее судьбе, без которых она и не представляла своей жизни.

Уж позднее, став ближе к Юлии Ивановне, я узнала, какую трагедию пережила семья по поводу старшего сына Валентина - талантливого, увлекавшегося философией, из-за которой он и подвергся репрессиям.

А в течение 1950-1957 годов Юлия Ивановна потеряла троих детей... Ни больницы, ни молитвы Марии Михайловны, ни бессонные ночи матери - ничто не помогало. Косила их какая-то странная болезнь.

- Если бы не мама, - сказала Юлия Ивановна, - меня бы уже давно не было... После смерти третьего ребенка я перестала разговаривать с людьми. Мать и наука поставили на ноги.

Она отдавала науке все силы своей

хаики славян. Здесь сохранилось многое из того, что идет от праславянского языка. Праславяне - наши далекие-далекие предки. Мы ведь жили в Центральной Европе, откуда по воле обстоятельств ушли на Север. Вот как интересно!

Кроме того, Вологодчина - край монастырей. В архивах Вологды и Череповца бесценные материалы! С каким удовольствием я читала столбцы - грамоты, написанные скорописью и отражающие жизнь в округе Череповецкого Воскресенского монастыря. Чисто народный язык! По данным архивных материалов, по вологодским говорам можно воскресить ту жизнь, которая была в нашем регионе в далеком прошлом. Думаю, что в своих статьях я сумела многое донести до потомков.

...А знаете, что однажды потрясло Юлию Ивановну? Опять же в череповецком архиве взяла почитать Синодик Филиппо-Ирапской пустыни. Открыла, а между страницами полуобгоревшая свечечка, которую обычно в церкви использовали для чтения. Ей лет 200-300! Даже мурашки по коже побежали. Ведь к этому Синодику до Юлии Ивановны разве что руки архивных работников прикасались...

30 ЛЕТ преподавательской и научной работы в ВГПИ. Признание, уважение, почет - все у Юлии Ивановны есть. Но она продолжает работать с аспирантами. В связи с открытием новгородских берестяных грамот X-XIV веков заинтересовалась личными именами древнего Новгорода. Будут опубликованы две ее статьи в Екатеринбурге и Архангельске. Оказывается, в Новгороде женщин именовали по имени мужа - Ивановая, Петровая, но иногда было и личное имя женщины - Неделька, Страхота. Очень любопытно.

Вместе с учениками работает Юлия Ивановна над словарем промышленной лексики Севера России. И все ей интересно, на все есть время. Конечно, возраст сказывается порой нездоровьем, но глаза ясны, а смех заразителен. И ничем она, кроме науки, не увлекалась.

Из разговора с Юлией Ивановной:

- Думаю иногда - удивительный человек! Мне не надо нарядов, косметики, неинтересно, как обычной нормальной женщине, на кухне быть. Никогда не была амбициозной, не хвалилась. Главное - честно выполнять свое дело и вести себя порядочно.

И в квартире у нее нет «наворотов». Все просто, но очень уютно и чисто. Терпеть не может пыли. На столах, на трельяже сувениры: подарки знакомых и учеников. Бордовый блестящий новгородный шар чуть-чуть раскачивается на нитке.

- Вы придумали? - спросила я.

Юлия Ивановна махнула рукой:

- Ну что вы! Кто-то из аспирантов...

А я вдруг вспомнила тихий уютный вечер, когда еще жива была Мария Михайловна, и мы о чем-то оживленно беседовали.

- Юля, - сказала Мария Михайловна, - ты ведь туфли, которые из Венгрии привезла, не носишь - подари Вере.

И она подарила, легко, как будто это не было время тотального дефицита. Черные, элегантные, остроносые, на изящной шпильке...

Я часто вспоминаю эти туфли и думаю, что умение отдавать все лучшее миру, людям - свято, оттого ее лицо и похоже на лик.

Фото из семейного архива.

Юля - школьница (1937 год).

многое могла рассказать.

История семьи Чайкиных во многом трагическая. Отец Иван Иванович, окончивший Новгородскую духовную семинарию и служивший священником под Череповцом в родном селе Дмитриевское, после революции подвергся гонениям. Приход, естественно, был закрыт. Иван Иванович сменил род деятельности, семья переехала в Череповец. Но власти, нетерпимые к бывшим служителям культа, заставили скромного служащего оставить работу. Пришлось снова ехать в Дмитриевское, работать лесником. Но и здесь гонения не прекратились.

ЧЕРЕПОВЕЦ ей нравился, коллектив в институте тоже, а вот прикипела душой к Вологде, куда переехала 30 лет назад. Здесь, как она считает, несколько иная культура, менталитет, который ей ближе. А в университете, на кафедре русского языка почти половина преподавателей и ученых - ее ученики. (Есть они и в Архангельске, и в Сыктывкаре, и в Петрозаводске).

Ее статьи, сборники, монографии востребованы в России. Ссылки на ее имя немало, особенно в работах тех людей, которые занимаются ономастикой - наукой о собственных именах. Интересуется ее работами исторический факультет университета.

Вологодчина - любовь страстная.

Из разговора с Юлией Ивановной:

- Для лингвиста это кладезь, который не вычерпать. Северный русский говор, как считает академик Никита Ильич Толстой, - зона ар-